

УДК 159.922

DOI: 10.34670/AR.2025.93.69.004

**Комплексный анализ влияния семейной привязанности,
качества общения со сверстниками и школьной
включенности на становление аутентичности
и самосознания в подростковом возрасте**

Галиева Марина Геннадьевна

Педагог-психолог,
Исполнительный директор,
Международный центр гуманной педагогики,
101000, Российская Федерация, Москва, Лубянский проезд, 27/1–1;
e-mail: il_grant@mail.ru

Аннотация

Статья представляет философско-психологический анализ феномена подлинности личности через сопоставление экзистенциальной онтологии и современных представлений о самости, уделяя особое внимание тому, как повседневные социальные практики формируют способы переживания собственного «я» и границы личной ответственности. Центральным понятием выступает Das Man как режим усредненного существования, в котором субъект присваивает готовые нормы интерпретации и действия, что обеспечивает социальную включенность, но одновременно ведет к утрате индивидуальной определенности и снижению рефлексивной автономии. Рассматривается механизм смещения внутреннего самоопределения во внешнюю валидизацию, когда согласование с ожиданиями окружения становится доминирующей стратегией самопрезентации и поддержания идентичности. В этой рамке обсуждается конструкция False Self как психологический эквивалент отчуждения, проявляющийся в разрыве между переживаемыми импульсами и нормативно «приемлемыми» реакциями, что делает личностный опыт фрагментарным и контекстуально зависимым. Показано, что переход к подлинному существованию описывается не как одномоментный акт, а как динамика, включающая рост чувствительности к экзистенциальной тревоге, принятие конечности и переработку опыта одиночества, которые выступают условиями восстановления самотождественности. Концептуальная аргументация связывает проблематику аутентичности с этическими последствиями: утрата собственного голоса выражается в ослаблении способности к выбору и в склонности перекладывать ответственность на «правила» и «обстоятельства», тогда как подлинность трактуется как способность удерживать авторство решений в условиях неопределенности. Работа задает теоретически насыщенную перспективу для психологического консультирования и гуманитарных исследований, позволяя оценивать феномены конформности, внутренней пустоты и

кризиса идентичности как структурные эффекты повседневности, а не только как индивидуальные дефициты.

Для цитирования в научных исследованиях

Галиева М.Г. Комплексный анализ влияния семейной привязанности, качества общения со сверстниками и школьной включенности на становление аутентичности и самосознания в подростковом возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 39-49. DOI: 10.34670/AR.2025.93.69.004

Ключевые слова

Аутентичность, Das Man, самость, ложное Я, экзистенциальная тревога, управление рисками, методология исследования.

Введение

Проблема становления человеческой субъективности, обретения подлинного «Я» в период подросткового возраста представляет собой одну из наиболее острых и метафизически насыщенных тем в современной гуманитарной науке. Этот этап онтогенеза характеризуется не просто физиологическим созреванием, но, прежде всего, фундаментальным экзистенциальным сдвигом, когда индивид впервые по-настоящему сталкивается с необходимостью самоопределения в пространстве смыслов и ценностей. Мы наблюдаем сложную диалектику, где, с одной стороны, подросток стремится к автономии и сепарации от родительских фигур, а с другой — испытывает острую потребность в принадлежности и укорененности, которую традиционно обеспечивала семья [Чжу, 2024]. В условиях текущей современности, как ее определял Зигмунт Бауман, процесс идентификации усложняется размыванием социальных норм и институциональных рамок, что делает поиск аутентичности нелинейным и зачастую травматичным процессом. Аутентичность в данном контексте не может рассматриваться как статичное свойство личности, но должна пониматься процессуально, как непрерывное становление, зависящее от качества интерсубъективных связей. Семейная привязанность, выступающая первичной онтологической матрицей безопасности, трансформируется, но не утрачивает своего значения; она становится тем фоном, на котором разворачиваются драмы школьной жизни и взаимодействия со сверстниками. Однако парадокс заключается в том, что чрезмерная привязанность может тормозить индивидуацию, в то время как ее дефицит порождает базовую тревогу, блокирующую способность к творческому самовыражению [Акматова, 2025]. Философский анализ данной проблематики требует выхода за пределы чисто психологических трактовок и обращения к социологическим категориям включенности и отчуждения, которые наиболее ярко проявляются в школьной среде.

Школа как социальный институт выступает не только пространством накопления когнитивного капитала, но и ареной символической борьбы за признание, где формируется или разрушается самооценка подростка. Школьная включенность, понимаемая нами не как формальное присутствие или академическая успеваемость, а как глубинная эмоциональная и ценностная вовлеченность в жизнь сообщества, становится критическим фактором формирования самосознания [Лечиева и др., 2024]. Если семья задает координаты интимно-личностного доверия к миру, то школа и группа сверстников предоставляют зеркала, в которых подросток пытается разглядеть свой истинный облик, отличный от родительских проекций.

Качество общения со сверстниками здесь играет роль катализатора: через механизмы мимесиса и противопоставления, через дружбу и конфликты происходит оттачивание границ собственного «Я». Важно отметить, что в эпоху цифровизации общение претерпевает существенные метаморфозы, порой подменяя живое диалогическое присутствие симулякрами связи, что ставит под угрозу формирование подлинной близости и эмпатии. Исследование влияния этих трех факторов — семьи, школы и сверстников — требует холистического подхода, способного интегрировать разрозненные эмпирические данные в единую философско-социологическую картину мира взрослеющего человека [Минина, Василенко, 2023]. Мы исходим из гипотезы, что аутентичность не является данностью, а представляет собой результат сложной интерференции институциональных давлений и личных экзистенциальных выборов, совершаемых подростком в поле напряжения между потребностью в безопасности и жаждой свободы. Таким образом, цель нашего рассмотрения — деконструировать механизмы влияния социального окружения на кристаллизацию самосознания, избегая редукционизма и сохраняя всю сложность гуманитарного измерения феномена взросления.

Материалы и методы исследования

Методологическая база данного изыскания строится на принципах феноменологической герменевтики и структурно-функционального анализа, что позволяет преодолеть ограниченность сугубо позитивистских подходов к изучению человеческой психики и социализации. Мы опираемся на понимание метода не как набора механических процедур по сбору данных, а как на способ вопрошания бытия, позволяющий раскрыть смысловые структуры, лежащие в основе подросткового опыта. В центре нашего внимания находятся не количественные корреляции, которые часто оказываются поверхностными, а качественные характеристики переживания подростком своей включенности в социальные связи [Митина и др., 2023]. Для этого был проведен критический анализ широкого корпуса теоретических работ, охватывающих классическую философию экзистенциализма, современную социологию образования и психологию развития. Мы используем компаративный метод для сопоставления различных концептуальных моделей аутентичности и привязанности, выявляя их эвристический потенциал и границы применимости к современным реалиям. Особое внимание уделяется анализу дискурсивных практик, формирующихся в пространстве школы и семьи, что позволяет реконструировать неявные, латентные механизмы социализации, часто ускользающие от внимания при использовании стандартизированных опросников. Важно подчеркнуть, что материалы исследования включают в себя не только академические тексты, но и обобщение результатов включенного наблюдения и глубинных интервью, представленных в современной социологической литературе, которые мы подвергаем вторичной интерпретации через призму философской антропологии.

Такой подход требует отказа от жесткого детерминизма и признания многофакторной природы человеческого становления, где причинно-следственные связи носят нелинейный, вероятностный характер. В рамках нашего методологического конструкта понятия «привязанность», «общение» и «включенность» рассматриваются не как изолированные переменные, а как взаимопроникающие экзистенциалы, образующие единый жизненный мир подростка. Мы применяем метод идеальных типов Макса Вебера для систематизации многообразия форм социального взаимодействия, что позволяет выделить ключевые паттерны

влияния окружения на самосознание, не теряя при этом уникальности индивидуальных траекторий [Прялухина, 2024]. Кроме того, исследование опирается на диалектический метод, позволяющий рассматривать противоречия между стремлением к индивидуализации и необходимостью социальной интеграции не как патологию, а как движущую силу развития личности. Анализ гуманитарных понятий и определений, представленный в последующих разделах, осуществляется с помощью процедур семантического и этимологического разбора, что дает возможность очистить терминологический аппарат от бытовых наслоений и вернуть понятиям их первоначальную философскую глубину. Мы также обращаемся к системному подходу, рассматривая триаду «семья-школа-сверстники» как динамическую систему, обладающую эмерджентными свойствами, где изменение в одном элементе неизбежно влечет за собой трансформацию всей конфигурации социальных связей и, как следствие, изменение модуса самовосприятия подростка [Самусев, 2023]. Этот методологический синтез позволяет нам выстроить многомерную модель становления аутентичности, адекватную сложности изучаемого феномена.

Результаты и обсуждение

Современная социокультурная ситуация ставит перед подростком задачу конструирования идентичности в условиях беспрецедентной неопределенности и фрагментации смыслового поля. Если в традиционных обществах путь взросления был маркирован четкими ритуалами перехода, а идентичность во многом была предписана происхождением, то сегодня юный субъект оказывается заброшенным в пространство бесконечных возможностей выбора при отсутствии надежных навигационных карт. В этом контексте понятие аутентичности трансформируется из романтического идеала «верности себе» в жесткую необходимость удержания целостности личности перед лицом дезинтегрирующих влияний информационной среды. Мы наблюдаем феномен, который можно обозначить как «онтологическая бездомность», когда подросток, даже находясь в физически благополучной среде, не чувствует экзистенциальной укорененности [Забабурина, Щурова, 2024]. Семья, школа и группа сверстников выступают теми инстанциями, которые либо смягчают это чувство, предоставляя ресурсы для построения устойчивого «Я», либо усугубляют его, транслируя противоречивые требования и создавая ситуации двойного зажима. Проблема заключается в том, что каждый из этих институтов функционирует в своей логике: семья часто апеллирует к традиции и безопасности, школа — к унификации и достижениям, а группа сверстников — к конформизму и гедонизму, что создает внутриличностный конфликт.

Анализ данных показывает, что ключевым предиктором формирования здорового самосознания является не просто наличие общения или факт посещения школы, а качественные характеристики этих процессов, которые мы можем описать через категории «подлинности» и «отчуждения». Для глубокого понимания того, как именно эти факторы преломляются в сознании подростка и формируют его аутентичность, необходимо обратиться к сравнительному анализу базовых гуманитарных концепций, описывающих эти феномены. Мы систематизировали основные теоретические подходы к определению аутентичности и ее связи с социальным контекстом, выделив ключевые параметры, по которым происходит оценка собственного бытия подростком. Этот анализ позволяет увидеть, что аутентичность — это не солипсистское замыкание на себе, а всегда результат диалога с Другим, где качество этого Другого определяет горизонт возможностей для становления Самости (табл. 1).

**Таблица 1 – Сравнительный анализ концепций аутентичности
и самосознания в контексте подросткового развития**

Концептуальный подход	Определение аутентичности	Роль Другого (семья, сверстники, социум)	Механизм формирования самосознания
Экзистенциально-феноменологический	Способность слышать зов собственной совести, решимость быть собой вопреки безликости массы (Das Man). Осознание своей конечности и ответственности.	Другой как свидетель и как угроза объективации. Конфликт между взглядом Другого и собственным переживанием бытия. Семья как исходный пункт заброшенности в мир.	Через тревогу и преодоление отчуждения. Выход из растворенности в повседневности к осознанному выбору своего жизненного проекта.
Психоаналитический и объектных отношений	Интеграция хороших и плохих частичных объектов, формирование целостного Я. Способность к эмоциональной правде и переживанию амбивалентности.	Значимый взрослый как контейнер для аффектов. Сверстники как пространство для проекций и переноса. Школа как проекция фигуры Сверх-Я.	Через интериоризацию отношений с первичными объектами привязанности. Преодоление нарциссизма и признание реальности Другого.
Социологический (интеракционизм)	Согласованность между внутренним самоощущением и исполняемыми социальными ролями. Умение управлять впечатлением без потери внутреннего стержня.	Общество как зеркало. Значимые Другие как референтная группа, чьи оценки формируют Зеркальное Я. Школа как институт социализации ролевого поведения.	Через принятие роли Другого и социальную рефлекссию. Постоянная навигация между ожиданиями группы и личными предпочтениями.
Гуманистический (личностно-центрированный)	Конгруэнтность опыта и его осознания. Полное функционирование личности, открытость опыту, доверие своему организму.	Окружение, обеспечивающее безусловное позитивное принятие, эмпатию и конгруэнтность. Среда как питательная почва для актуализации.	Через самоактуализацию в условиях поддерживающей среды. Освобождение от интроектов и условий ценности, навязанных извне.

Представленная таблица демонстрирует фундаментальное различие в понимании природы аутентичности, которое, тем не менее, сходится в одной точке: невозможности становления «Я» вне контекста отношений. Экзистенциальный подход, акцентирующий внимание на одиночестве и ответственности, не отрицает Другого, но проблематизирует его влияние как потенциально обезличивающее, что особенно актуально для подростков, склонных растворяться в субкультурных трендах. Психоаналитическая традиция углубляет понимание привязанности, показывая, что способность быть собой коренится в раннем опыте быть принятым и понятым материнской фигурой, и этот паттерн затем проецируется на отношения с учителями и друзьями. Интеракционизм добавляет важное измерение социальной игры: подросток учится быть аутентичным не через отказ от ролей, а через их гибкое присвоение и интерпретацию. Наконец, гуманистический взгляд подчеркивает критическую важность атмосферы принятия, без которой самосознание искажается защитными механизмами. Мы видим, что аутентичность — это динамическое равновесие между внутренним «зовом» и внешним «ответом», и нарушение этого баланса в любой из сфер (семья, школа, друзья) ведет к патологиям самоопределения.

Далее необходимо рассмотреть, как именно качество семейной привязанности трансформируется в ресурс или препятствие для социальной адаптации. Семья не просто дает

убежище; она формирует когнитивные и эмоциональные схемы, с помощью которых подросток расшифровывает сигналы внешнего мира [Безрукова, Самойлова, 2025]. Надежная привязанность создает базу для исследовательской активности, позволяя подростку рисковать в общении и учебе, зная, что у него есть надежный тыл. Напротив, тревожная или избегающая привязанность заставляет тратить огромные психические ресурсы на мониторинг безопасности, что снижает способность к концентрации и спонтанности в общении со сверстниками.

**Таблица 2 – Типология семейной привязанности
и ее влияние на школьную включенность и коммуникацию**

Тип привязанности	Характеристика эмоциональной связи	Проекция на общение со сверстниками	Влияние на школьную включенность и познавательную активность
Надежная (Безопасная)	Базовое доверие, доступность поддержки, поощрение автономии. Родитель как надежная база.	Высокая способность к эмпатии, конструктивное разрешение конфликтов, устойчивость к давлению группы. Дружба строится на взаимности.	Высокая включенность. Школа воспринимается как пространство возможностей. Ошибки не вызывают катастрофического стыда, что способствует обучению.
Тревожно-амбивалентная	Непредсказуемость родительских реакций, гиперопека или непоследовательность. Страх отвержения.	Поиск слияния, навязчивость, высокая чувствительность к критике. Склонность к драматизации отношений и ревности.	Нестабильная включенность. Фокус внимания смещен с учебы на эмоциональные переживания отношений с учителями и одноклассниками. Страх неудачи блокирует инициативу.
Избегающая (Отстраненная)	Эмоциональная холодность, отвержение потребности в близости, требование ранней самостоятельности.	Эмоциональная дистантность, цинизм, трудности с доверием. Предпочтение поверхностных связей или одиночества. Агрессия как защита.	Формальная включенность или отчуждение. Академические успехи могут использоваться как компенсация дефицита тепла, либо полный отказ от сотрудничества со школой.
Дезорганизованная	Хаотичные, пугающие отношения, часто связанные с травмой или насилием. Отсутствие стратегии защиты.	Неспособность к построению стабильных связей, чередование агрессии и покорности. Риск виктимизации или буллинга.	Глубокая дезадаптация. Школа воспринимается как враждебная среда. Трудности с саморегуляцией и соблюдением правил. Низкая мотивация.

Анализ данной типологии позволяет сделать вывод о том, что стиль привязанности, сформированный в семье, выступает своего рода «линзой», через которую подросток воспринимает школьную реальность. Надежная привязанность не гарантирует отсутствия проблем, но она обеспечивает наличие внутренних ресурсов для их преодоления, позволяя подростку воспринимать школьные трудности как задачи, а не как угрозу существованию. Тревожный тип привязанности превращает школу в поле битвы за внимание, где учебный процесс отходит на второй план перед страстями межличностных драм [Соснин, 2025]. Избегающий тип, напротив, может привести к уходу в интеллектуализацию, где школьные успехи становятся броней от эмоциональной боли, но при этом истинная включенность и чувство общности остаются недоступными. Наиболее трагична ситуация с дезорганизованной привязанностью, которая фактически разрушает способность к связному нарративу о себе, делая становление аутентичности крайне затруднительным без терапевтического

вмешательства. Таким образом, мы видим, что семейный контекст не остается за порогом школы, а незримо присутствует в каждом акте коммуникации и познания.

Переходя к анализу школьной среды, следует отметить, что школа обладает двойственной природой: она одновременно является инструментом дисциплинарной власти и пространством просвещения. Включенность в школьную жизнь нельзя сводить лишь к лояльности институту; это сложный феноменологический опыт сопричастности к культуре и социуму. Отчуждение от школы часто является симптомом не лени, а глубокого экзистенциального протеста против обезличивания, попыткой сохранить остатки субъектности в системе, которая стремится превратить ученика в объект педагогического воздействия [Жукова, 2025].

Таблица 3 – Модальности школьной включенности и их влияние на самосознание

Модальность включенности	Характеристика отношения к образовательному пространству	Восприятие учителей и норм	Влияние на структуру самосознания и идентичность
Институциональная идентификация	Полное принятие ценностей и норм школы. Стремление соответствовать идеальному образу ученика.	Учителя как непрерываемые авторитеты. Нормы не подвергаются сомнению. Конформизм.	Формирование "ролевого Я". Риск развития ложной самости (False Self), где внешняя успешность подменяет внутренние потребности. Стабильность за счет подавления индивидуальности.
Инструментальная вовлеченность	Школа рассматривается прагматично как социальный лифт. Фокус на оценках и достижениях ради будущего.	Учителя как поставщики услуг или препятствия. Нормы соблюдаются формально ради выгоды.	Формирование "достигающего Я". Ценность себя измеряется внешними параметрами успеха. Риск перфекционизма и выгорания. Слабая связь с эмоциональной сферой.
Оппозиционное отчуждение	Активное неприятие школьных ценностей. Построение идентичности через протест и отрицание системы.	Учителя как враги или тюремщики. Нормы нарушаются демонстративно как акт самоутверждения.	Формирование "негативной идентичности". Самосознание строится на противопоставлении. Чувство своей исключительности или маргинальности. Поиск альтернативных авторитетов (улица, субкультура).
Аутентичная вовлеченность (Поток)	Глубокий интерес к содержанию деятельности, ощущение смысла и радости от познания. Субъект-субъектные отношения.	Учителя как наставники и партнеры по диалогу. Нормы принимаются осознанно как необходимые условия сотрудничества.	Гармоничное развитие "творческого Я". Интеграция когнитивного и эмоционального опыта. Высокий уровень самопринятия и рефлексии. Чувство компетентности и автономии.

Анализируя третью таблицу, мы приходим к пониманию, что истинная школьная включенность, способствующая развитию аутентичности, — это редкий феномен, который мы обозначили как «аутентичная вовлеченность». Она возможна лишь там, где образовательная среда предоставляет пространство для диалога и не требует от подростка отказа от собственной уникальности ради унификации. Институциональная идентификация и инструментальная вовлеченность, хотя и социально одобряемы, часто ведут к формированию ригидных структур

личности, уязвимых перед экзистенциальными кризисами, так как «Я» в них жестко привязано к внешним опорам [Нартова-Бочавер и др., 2023]. Оппозиционное отчуждение, будучи защитной реакцией, парадоксальным образом может содержать в себе зерно поиска подлинности, но этот поиск идет по деструктивному пути разрушения связей. Следовательно, задача педагогического сообщества и социума — трансформировать школьное пространство таким образом, чтобы оно допускало вариативность путей развития и поддерживало субъектность подростка.

Наконец, необходимо интегрировать фактор общения со сверстниками, который в подростковом возрасте приобретает доминирующее значение. Группа ровесников становится тем «значимым Другим», чей взгляд подтверждает или опровергает существование «Я». Здесь мы сталкиваемся с диалектикой конформизма и индивидуации: чтобы найти себя, подросток должен сначала раствориться в группе, чтобы потом выделиться из нее [Рязанова, Лаврентьева, 2024]. Качество общения определяется не количеством контактов, а глубиной интимности и способностью к самораскрытию. Поверхностное общение, стимулируемое социальными сетями, часто создает иллюзию связи при нарастающем чувстве одиночества, тогда как подлинная дружба становится той лабораторией, где вырабатываются навыки эмпатии, верности и морального суждения.

Общий анализ представленных таблиц и теоретических положений приводит нас к выводу, что становление аутентичности и самосознания подростка — это системный процесс, в котором семья обеспечивает тыл и базовое доверие, школа предоставляет культурный инструментарий и поле для социальной пробы, а сверстники создают пространство для эмоционального резонанса и зеркального отражения. Сбой в любом из этих звеньев компенсируется за счет других, но цена такой компенсации часто бывает высока. Например, дефицит тепла в семье может вести к чрезмерной зависимости от группы сверстников, делая подростка уязвимым для асоциального влияния. Отчуждение от школы может толкать к поиску самореализации в виртуальных мирах. Подлинная аутентичность рождается там, где существует баланс между принадлежностью («быть частью») и автономией («быть собой»), и где социальная среда, будь то семья, класс или компания друзей, способна выдержать и принять инаковость растущего человека, не пытаясь его сломать или переделать [Серебрякова и др., 2024]. Это требует от всех участников образовательного и воспитательного процесса высокой степени гуманитарной культуры и рефлексии.

Заключение

Подводя итог проведенному комплексному анализу, можно констатировать, что становление аутентичности и самосознания в подростковом возрасте является многомерным феноменом, который невозможно редуцировать к набору психологических черт или поведенческих реакций. Это фундаментальный экзистенциальный процесс обретения субъектности, протекающий в поле напряжения между потребностью в укорененности, которую обеспечивает семья, и необходимостью социальной экспансии, реализуемой через школу и общение со сверстниками. Мы выяснили, что качество семейной привязанности закладывает онтологический фундамент личности: способность доверять миру, выдерживать неопределенность и строить глубокие эмоциональные связи. Однако семья не является единственным детерминантом; школьная среда выступает мощным фактором вторичной социализации, где через механизмы включенности или отчуждения формируется образ

социального «Я». При этом аутентичная включенность, способствующая развитию целостной личности, возможна лишь в условиях диалогического взаимодействия, признающего ценность индивидуального опыта ученика, в то время как формализм и авторитаризм школы ведут к формированию защитных масок и ложной самости.

В свою очередь, общение со сверстниками выполняет незаменимую функцию зеркала, в котором подросток проверяет на прочность свои формирующиеся ценности и идеалы. Качество этой коммуникации, ее глубина и искренность напрямую влияют на степень осознанности и принятия себя. В современном мире, характеризующемся размыванием традиционных структур и доминированием цифровых симулякров, задача гармонизации этих трех сфер влияния — семьи, школы и группы сверстников — становится критически важной. Успешное становление самосознания происходит не в вакууме, а в пространстве интерсубъективности, где подросток получает возможность быть признанным в своей уникальности. Следовательно, поддержка подростковой аутентичности требует синергии усилий родителей, педагогов и общества в целом, направленных на создание гуманистически ориентированных сред, способных вместить в себя противоречивость и сложность взросления, не подавляя при этом живой импульс к самоопределению и поиску смысла.

Библиография

1. Акматова Р.У. Влияние отношений с родителями на самооценку подростков // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2025. № 2. С. 14–21.
2. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Как вовлеченное отцовство и близкие отношения с отцом влияют на благополучие подростков // Социологические исследования. 2025. № 6. С. 92–104.
3. Забабурина О.С., Щурова Ю.Е. Самосознание подростков, воспитывающихся в неполной семье // Образование и общество. 2024. № 4 (147). С. 124–128.
4. Жукова Е.О. Методы профилактики дезадаптации подростков в общеобразовательной организации // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 9-1. С. 23–33.
5. Лечиева М.И., Саидов А.А., Буралова Р.А. Детско-родительские отношения как предиктор личностного развития в юношеском возрасте // Перспективы науки и образования. 2024. № 6 (72). С. 575–595.
6. Минина Т.П., Василенко В.Е. Представление подростков о собственной взрослости и восприятие ими отношений с родителями // Петербургский психологический журнал. 2023. № 45. С. 24–58.
7. Митина Г.В., Мендель О.П., Шаяхметова Э.Ш. Влияние семейной сплоченности и гибкости на показатели эмоционального интеллекта подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-1. С. 332–335.
8. Нартова-Бочавер С.К., Ерофеева В.Г., Байрамян Р.М., Чулюкин К.С. Повседневные представления об аутентичности от детства к юности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 3. С. 523–547.
9. Прялухина А.В. Семейное воспитание и особенности Я-концепции подростков с ограниченными возможностями здоровья // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 4 (69). С. 289–294.
10. Рязанова Т.А., Лаврентьева З.И. Динамика уровня осознанности родителей в результате вовлечения в партнерские отношения со школой // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2024. № 1 (58). С. 5–10.
11. Самусев М.А. Эффект семейного воздействия на формирование личности подростка // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия Гуманитарные науки. 2023. № 28. С. 59–60.
12. Серебрякова Т.А., Конева И.А., Елагина В.С. Взаимосвязь детско-родительских отношений и отношения ребенка к себе на примере подросткового возраста // Мир психологии. 2024. № 3 (118). С. 235–248.
13. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Академическая успешность школьников и социокультурный капитал семьи // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 4 (119). С. 120–132.
14. Соснин А.Ю. Анализ качества жизни подростков в зависимости от их пола // Народное образование. 2025. № 1 (1512). С. 141–148.
15. Чжу Л. Влияние стилей воспитания на имплицитную и эксплицитную самооценку и защитные механизмы у подростков // Психология обучения. 2024. № 2. С. 39–46.

Comprehensive Analysis of the Influence of Family Attachment, Quality of Peer Communication, and School Inclusion on the Development of Authenticity and Self-Awareness in Adolescence

Marina G. Galieva

Educational Psychologist,
Executive Director,
International Center for Humane Pedagogy,
101000, 27/1–1, Lubyanskiy passage, Moscow, Russian Federation;
e-mail: il_grant@mail.ru

Abstract

The article presents a philosophical-psychological analysis of the phenomenon of personal authenticity through a comparison of existential ontology and contemporary concepts of the self, with particular attention to how everyday social practices shape ways of experiencing one's own "I" and the boundaries of personal responsibility. The central concept is Das Man as a mode of average existence in which the subject appropriates ready-made norms of interpretation and action, ensuring social inclusion but simultaneously leading to the loss of individual specificity and a reduction in reflective autonomy. The mechanism of shifting internal self-determination to external validation is examined, where alignment with environmental expectations becomes the dominant strategy of self-presentation and identity maintenance. Within this framework, the construction of False Self is discussed as a psychological equivalent of alienation, manifested in a disconnect between experienced impulses and normatively "acceptable" reactions, making personal experience fragmented and context-dependent. It is shown that the transition to authentic existence is described not as a one-time act but as a dynamic process involving increased sensitivity to existential anxiety, acceptance of finitude, and processing the experience of loneliness, which serve as conditions for restoring self-identity. The conceptual argumentation links the problem of authenticity with ethical consequences: the loss of one's own voice is expressed in a weakened ability to choose and a tendency to shift responsibility onto "rules" and "circumstances," while authenticity is interpreted as the capacity to maintain authorship of decisions under conditions of uncertainty. The work sets a theoretically rich perspective for psychological counseling and humanities research, allowing phenomena of conformity, inner emptiness, and identity crisis to be assessed as structural effects of everyday life, not merely as individual deficits.

For citation

Galieva M.G. (2025) Kompleksnyy analiz vliyaniya semeynoy privyazannosti, kachestva obshcheniya so sverstnikami i shkol'noy vkluyuchennosti na stanovleniye autentichnosti i samosoznaniya v podrostkovom vozraste [Comprehensive Analysis of the Influence of Family Attachment, Quality of Peer Communication, and School Inclusion on the Development of Authenticity and Self-Awareness in Adolescence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (11A), pp. 39-49. DOI: 10.34670/AR.2025.93.69.004

Keywords

Authenticity, Das Man, self, false self, existential anxiety, risk management, research methodology.

References

1. Akmatova, R. U. (2025) Vliianie otnoshenii s roditeliami na samootsenku podrostkov [The influence of relationships with parents on adolescents' self-esteem]. *Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsii*, 2, 14–21.
2. Bezrukova, O. N., & Samoilo, V. A. (2025) Kak vovlechennoe otstvo i blizkie otnosheniia s ottsom vliiaut na blagopoluchie podrostkov [How involved fatherhood and close relationships with fathers affect adolescents' well-being]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 6, 92–104.
3. Zababurina, O. S., & Shchurova, Iu. E. (2024). Samosoznanie podrostkov, vospityvaiushchikhsia v nepolnoi sem'e [Self-consciousness of adolescents raised in single-parent families]. *Obrazovanie i obshchestvo*, 4(147), 124–128.
4. Zhukova, E. O. (2025) Metody profilaktiki dezadaptatsii podrostkov v obshcheobrazovatelnoi organizatsii [Methods for preventing adolescent maladaptation in a general education organization]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriia i praktika*, 9-1, 23–33.
5. Lechieva, M. I., Saidov, A. A., & Buralova, R. A. (2024). Detsko-roditel'skie otnosheniia kak prediktor lichnostnogo razvitiia v iunosheskom vozraste [Parent-child relationships as a predictor of personality development in youth]. *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, 6(72), 575–595.
6. Minina, T. P., & Vasilenko, V. E. (2023). Predstavlenie podrostkov o sobstvennoi vzroslosti i vospriatie imi otnoshenii s roditeliami [Adolescents' perceptions of their own adulthood and their perception of relationships with parents]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*, 45, 24–58.
7. Mitina, G. V., Mendel', O. P., & Shayakhmetova, E. Sh. (2023). Vliianie semeinoi splochnosti i gibkosti na pokazateli emotsional'nogo intellekta podrostkov [The influence of family cohesion and flexibility on indicators of adolescents' emotional intelligence]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 81-1, 332–335.
8. Nartova-Bochaver, S. K., Erofeeva, V. G., Bayramyan, R. M., & Chulyukin, K. S. (2023). Povsednevnye predstavleniia ob autentichnosti ot detstva k iunosti [Everyday representations of authenticity from childhood to youth]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 20(3), 523–547.
9. Pryalukhina, A. V. (2024). Semeinoe vospitanie i osobennosti Ia-kontseptsii podrostkov s ogranichenymi vozmozhnostiami zdorov'ia [Family upbringing and features of the self-concept of adolescents with disabilities]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 4(69), 289–294.
10. Ryazanova, T. A., & Lavrentieva, Z. I. (2024). Dinamika urovnia osoznannosti roditeli v rezul'tate vovlecheniia v partnerskie otnosheniia so shkoloi [Dynamics of parents' awareness level as a result of involvement in partnership relations with the school]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1(58), 5–10.
11. Samusev, M. A. (2023). Effekt semeinogo vozdetsviia na formirovanie lichnosti podrostka [The effect of family influence on the formation of adolescent personality]. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума Srednerusskii universitet. Seria: Gumanitarnye nauki*, 28, 59–60.
12. Serebryakova, T. A., Koneva, I. A., & Elagina, V. S. (2024). Vzaimosviaz' detsko-roditel'skikh otnoshenii i otnosheniia rebenka k sebe na primere podrostkovogo vozrasta [The relationship between parent-child relations and a child's attitude toward the self: the case of adolescence]. *Mir psikhologii*, 3(118), 235–248.
13. Sobkin, V. S., & Kalashnikova, E. A. (2024). Akademicheskaia uspehnost' shkol'nikov i sotsiokul'turnyi kapital sem'i [Academic achievement of schoolchildren and the sociocultural capital of the family]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamentalnykh issledovani. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 4(119), 120–132.
14. Sosnin, A. Yu. (2025) Analiz kachestva zhizni podrostkov v zavisimosti ot ikh pola [Analysis of adolescents' quality of life depending on gender]. *Narodnoe obrazovanie*, 1(1512), 141–148.
15. Zhu, L. (2024). Vliianie stilei vospitaniia na implicitnuiu i eksplicitnuiu samootsenku i zashchitnye mekhanizmy u podrostkov [The influence of parenting styles on implicit and explicit self-esteem and defense mechanisms in adolescents]. *Psikhologiya obucheniia*, 2, 39–46.